

Эрик Булатов в Третьяковской галерее

«Я уехал, чтобы работать»

Сергей Сафонов

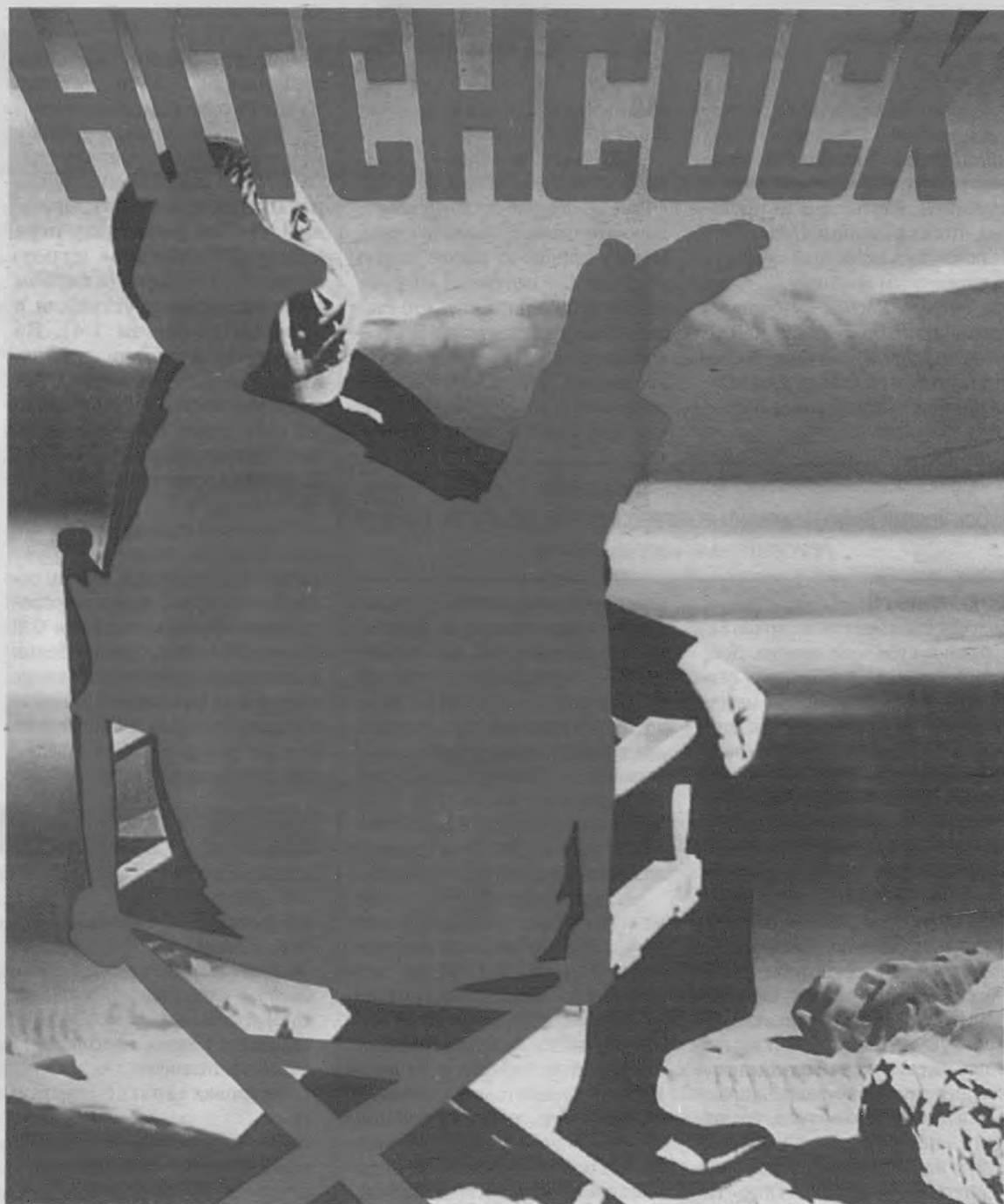
С легкой руки составителей изданного в 1991-м и чрезвычайно популярного до сих пор двухтомника «Другое искусство» в сознании многих интересующихся новейшей историей российских художеств утвердился некий реестр, в который входят неофициальные художники хрущевско-брежневско-горбачевской поры. Выражение «мэтр другого искусства» сегодня стало таким же клише, как некогда «страда уборочная» или «пионерское лето». Прощаясь с Советским Союзом, авторы книги хотели зафиксировать визуальную культуру пресловутой «советской Атлантиды» (еще один нынешний штамп). Очень скоро Исторический музей даже планирует открыть выставку с таким названием. Желаемая полнота этой культуры привела к тому, что в издании соседствуют авторы несопоставимых дарований. После распада СССР публике довелось увидеть очень разные по масштабу и исполнению выставки пресловутых «мэтров», и сейчас не каждый из них выглядит убедительно.

Эта «повторная инвентаризация» продолжится и в новом сезоне. Например, в начале октября в филиале Московского музея современного искусства готовится крупнейшая ретроспектива Франциско Инфанте и Нонны Горюновой, составленная примерно из пятисот их произведений 1960–2000 годов. А в залах Третьяковки на Крымском Валу на этой неделе открылась не менее фундаментальная экспозиция Эрика Булатова. Как и работа 2001 года, она называется «Вот». Даже инициатор булатовской выставки — кстати, второй в ГТГ всего за три года; случай для этого музея почти беспрецедентный — искусствовед Андрей Ерофеев признает, что «русская культура до сих пор не имеет очевидных лидеров». При этом, по его мнению, Булатов — фигура, которая связывает очень многие параллельные линии развития отечественного искусства. В наше время грубоватых жестов, считает Ерофеев, когда искусство нередко пользуется эскизно-резкими высказываниями, у Булатова мы видим чрезвычайно проработанные и изысканные произведения.

Для холстов и рисунков Булатова отдан и основательно перестроен ради увеличения экс-

позиционных площадей зал, где еще недавно тонким слоем были «размазаны» шедевры Музея д'Орсэ. Выставка такого масштаба вызывает уважение. Работы неленивого автора хранятся во многих коллекциях, и оторопь берет, когда представляешь одну только бумажную волокиту, предшествовавшую пафосному многолюдному вернисажу. Художник уехал из стремительно заканчивавшей свой век страны в 1989-м — не в эмиграцию, а... в работу. Потому, что появилась возможность зарабатывать своим трудом — так Булатов объяснил свой отъезд, отвечая на «коварный» вопрос одного из журналистов: «Раньше, живя в СССР, я должен был тратить полгода на иллюстрирование книг. Но меня стали приглашать работать галеристы, и мы с женой решили, что надо поехать».

Если что и повлияло на эволюцию булатовского искусства, то не переселение в Европу, не возможность регулярно заглядывать в западные музеи (он, впрочем, признается, что, живя во Франции, в последнее время больше любит бывать в Лувре, чем в Центре Помпиду), а исключительно внутренняя логика творчества. На выставке границу советского и западного периодов можно установить ско-

«Красной серии» 1994–1995 годов посвящен целый раздел экспозиции. Эрик Булатов. Хичкок. 1995.

рее по датам и внешней хронологии, чем по внутренней сути изображения (ну, может быть, надписи, к которым так неравнодушен художник, в более поздних вещах время от времени переходят на английский язык). Советская наглядная агитация

наложила заметный отпечаток на все его творчество, так же как образы советских вождей или, допустим, фонтаны ВДНХ. Но все это — лишь элементы творчества. Уникальность его искусства в том, что оно сумело соединить профессиональный

и человеческий опыт автора. Кажется, Булатов действительно рад своему нынешнему возвращению на родину, в ее главный музей. «Третьяковская галерея — место святое для каждого русского художника», — говорит Эрик Владимирович.